

Экология без настоящего

Тимоти Мортон

Сегодня я узнал новое слово. Атомная бомба. Это было похоже на белый свет в небе. Как будто Бог делает фотографию. *Империя Солнца* (фильм).

Сам факт Антропоцена делает невозможным даже для самого упорного метафизика присутствия постижение экологической реальности. Хотя значение Антропоцена только в том, что он выделяет человеку для исследования основную особенность реальности. Этой особенностью является не существование настоящего как такового, причина того, почему метафизика присутствия обречена на провал. Утверждая это, я должен буду сделать ряд онтологических замечаний, которым некоторые нормативные формы мышления Деррида могут не соответствовать. Тем не менее, я надеюсь, что читатель найдет, что мои выводы, пусть и не в этих нормативных рамках, но всё же имеют смысл в определенной деконструкции.

Il n'y a pas de hors-texte. Без сомнения, это наиболее значимая и запоминающаяся мысль из тех, что Деррида когда-либо записал. Но что же это значит? Очернители деконструкции слишком поспешно утверждают, что это означает, что всё состоит из языка. Если бы когда-либо существовала система, рассматривающая всё в качестве языка, то это был бы *структурализм*. Если деконструкция хоть что-нибудь делает, то это показывает как структурализм, подобно любой логоцентричной системе, не в состоянии объяснить некоторые явления, которые он должен включать-исключать, не будучи в состоянии когда-либо их ассимилировать. К счастью, переводя данное предложение, Гаятри Спивак засомневалась и дала нам два перевода, акт удвоения, который сам по себе заранее опровергает ту идею, что всё состоит из языка. В загадочном дежа-вю, которое Спивак создала, что-то появляется-исчезает, что-то включено-исключено: что-то обнаружено выпавшим из логоцентризма. Первый перевод – «Не существует ничего вовне текста». Второй перевод, который я нахожу более предпочтительным, таков – «Не существует вовне-текст».¹

В дальнейшем, я буду брать на себя смелость интерпретировать *Il n'y a pas* как что-то вроде комментария к Левинасу *il y a* – как инвайронментализм *там есть*. Другими словами, я буду предполагать, что *там* или *там нет* открывает проблему того, что означает существование как инвайронментализм – как такое *там*, которое не может быть определено как специфическое «существующее» в языке Левинаса.² То, о чём здесь идёт речь – это понятие *ничто* или *небытие*.

Утверждать, что вне текста нет *абсолютно ничего*, означает утверждать, что *всё действительно есть текст*. В то же время, именно это заявление опровергает само себя, потому что уже зависит от онтологии, которая постулирует абсолютное ничто – *oukotic* ничто, которое можно понимать как «даже не ничто». В этом случае, мы уже за пределами текста, поскольку утверждаем нечто о действительности. Деррида, старательный читатель Хайдеггера, наверняка бы понял, как существует по крайней мере ещё одна онтологическая возможность в «ничто», а именно, *meontic* ничто, (присутствие) отсутствие чего-либо.³ Именно это скольжение между одним переводом и другим раскрывает это странное, не-совсем-существующее ничто, как занавес в театре, который, когда поднят, обнаруживает ещё занавес точно такого же оттенка серого. Ничто (небытие) появляется.

Ничто (небытие) может быть текст, не существует вовне-текст, другими словами, текст не может говорить по меньшей мере об одной сущности, которую он должен включать-исключать с тем, чтобы быть когерентным. В результате, ничто в тексте не присутствует полностью. Небытие в тексте (и как текст) отдаляется от полного присутствия. Утверждение Деррида *il n'y a pas d'hors-texte* – это сигнал радара, отраженный от верхушки айсберга *очень странного реализма*, который отрицает за (реальными) вещами их онтическую данность. Даже в пределах (ещё онто-теологической) сферы Хайдеггера, это мерцание на экране радара является следом нечеловеческого: человек является лишь радиооператором, который получает эхосигнал и настраивает себя на него.⁴ Эхо чего? Ничто (небытия). Какого небытия? Это тень вещи – физическая сущность, параметры которой мы вскоре определим. Но с точки зрения вразумительно написанных текстов то, что включено-исключено текстом является поверхностью, на которой можно записывать, лингвистические условности, чернила, бумага, древесная масса, деревья, пилы, бумажные фабрики, социум, леса... Таким образом, текст это то, что «прячется от первого встречного, от первого взгляда, законов его композиции и правил его игры».⁵

В тот самый момент, когда небытие проделывало свой путь через буддизм и через Гегеля к тем размышлениям, что в результате привели к *Destruktion* Хайдеггера, тонкий слой углерода откладывался в земной коре. Этот слой углерода, результат производственных процессов современности, теперь можно найти в арктическом ледовом щите и глубоких озерах. Нельзя сказать, что это было началом Антропоцена. Можно только сказать, что в свете этого события, которое человек только сейчас начинает осознавать, Антропоцен был, есть и будет. Текст «Антропоцен», постулируемый задним числом, – это сигнал радара от странного события, такого события, в котором человеческие и геологические временные измерения пересеклись друг с другом. Было это концом истории, или началом? Это было, в любом случае, начало конца мира, не как окончательный апокалипсис или завершение, но как начало гораздо более загадочной историчности, в которой люди понимают, что мы живем после конца света, то есть, когерентного текста: *Природа, мир, жизненный мир, мировоззрение, картина мира*, и сопутствующие им медиа-объекты, такие как *Gesamtkunstwerk, визуализация, моделирование, романтизм; даже система, биосфера, экосистема, окружающая среда*. Эти когерентные тексты должны всегда включать-исключать какую-то сущность (или несколько) для поддержания когерентности. Экологическая мысль – мысль, которая, я утверждаю, сейчас в разных вариантах приходит в голову всем на этой планете, является деконструкцией этой когерентности.

В странном удвоении, ещё одно дежа-вю, ещё один момент Антропоцена бросается в глаза. Испытанная в 1945 году в Тринити Нью-Мексико «Штука» и атомные бомбы «Маленький Мальчик» и «Голстяк» начали откладывать тонкий слой радиоактивных материалов в земную кору. Вторая запись, показатель того, что уже произошло и что теперь проясняется для людей. Хорошим переводом Антропоцена является *Не существует вовне-человеческий текст*. Тем не менее, именно по этой причине, нечеловеческое сделало решающий контакт с человеческим. Нечеловеческое было обнаружено всегда уже обитающим в социальном, психическом и философском пространстве. Используя современную метафору, человеческое всегда уже *занято* нечеловеческими сущностями. Вот они, расположились на ровных газонах нашей когерентности, позируя для нас с угрожающей мягкостью наподобие Бартлиби «Я бы, пожалуй, отказался».⁶ В таком случае *Антропоцен* – это ироничный термин. Возможно, *Анантропоцен* подошло бы больше, или *Анттропоцен*.

В фильме Спилберга «*Империя Солнца*», мальчик Джим говорит о взрыве в Хиросиме: «Похоже на то, будто Бог делает фотографию».⁷ Вершина современности, инкапсулированная в словах Роберта Оппенгеймера «Я стал смертью, разрушитель

миров», является пришествием того, кого Хайдеггер назвал бы *последним богом*, если бы в его представлениях было место нечеловеческим сущностям.⁸ Хайдеггер просто не смог определить, как этот последний бог проявит себя в самом центре технологического окружения.⁹ Яд – действительно спасающая сила, или нет. Ибо это гигантские нечеловеческие сущности – радиоактивные материалы, глобальное потепление, сама запись слоёв в земной коре, с которой начинается Антропоцен – приводят к концу мира. Я называю эти гигантские нечеловеческие сущности *гиперобъектами*, объектами, которые массово распределены во времени и пространстве по отношению к человеку. Гиперобъекты являются причиной начала истории «иноного начала», по выражению Хайдеггера, вне текстов, которые низвели существ до онтической данности (*hupokeitemon, энергия, субстанция, subjectum, субъект, объект*).¹⁰

Как Бог, делающий фотографию: нечеловеческая сущность видит нас в белом свете своего ядерного гриба, что горячее солнца. *Подобно* Богу: это не подтверждение схоластического *causa sui*, обитающее в ином мире, но напоминание, что мы имеем дело с физическим существом. Между тем, это *очень странная* физическая сущность, со всей роковой силой этого термина. Но что мы слушаем, когда мы настроены на гиперобъект? Не есть ли эта неопределенность именно то, что мы слышим? Разве не верно, что воздействие, произведённое на нас дождём, зловещим циклоном, разливом нефти, это что-то загадочное? Если у него есть имя, то это, возможно, странность или жуть. Возможно, наиболее точный термин – это слово *обречённость*.

Что такое *обречённость*? Обычно *обречённость* это постановление или предписание: директива.¹¹ *Обречённость* есть также суд, закон, способность судить, Страшный суд, который совершается после конца мира.¹² Но *обречённость* также и то, что мы *полагаем*, мнение, умение распознавать.¹³ *Обречённость* может означать рок, судьбу, и в более сильном смысле, смерть.¹⁴ Наконец, *обречённость* означает справедливость, или даже судью, того, кто вершит справедливый суд.¹⁵ Справедливость это символ, который Деррида называет синонимом деконструкции в том смысле, что он нередуцируемо футуристичен: полная справедливость никогда не может быть достигнута уже сейчас – всегда есть остаток на будущее.¹⁶ Хороший судья не только механически скуп отмеряет приговоры, но в то же время, как это ни парадоксально, усиливает и приостанавливает действие закона. Не наводит ли этот богатый выбор значений на какие-либо мысли о гиперобъекте? Гиперобъект действительно есть то, что приносит рок, судьбу, смерть. Этот жребий приходит из иного (нечеловеческого) мира, и объявляет или предписывает конец света. Это предписание знаменует собой решительный поворот в истории Земли, в котором люди распознают нечеловеческое и таким образом правильнее определяют судьбу Земли. Или просто на мгновение приходят в дикий восторг в стиле Хайдеггера: *обречённость* приходит от *обречённости* и обрекает на *обречённость*; эта *обречённость* знаменует собой решительный момент, в котором люди обрекают нечеловеческое и таким образом обрекают *обречённость* Земли с большей *обречённостью*.

Каждое политическое и этическое решение принимается на внутренней стороне гиперобъекта, попавшего в резонанс зон, которые влекут за собой *обречённость*. Это конец света, потому что это конец онтической данности, который включает в себя присутствие. Для того, чтобы мир был когерентным, должно быть *здесь* и *там*, *сейчас* и *потом*. Ядерные материалы, как и другие гиперобъекты, так массово распространяются в пространстве и времени, что приводят к уничтожению той идеи, что время это нейтральный контейнер, который находится за пределами физической вселенной. Выясняется, что эта идея всегда уже зависела от стабильной (человеческой) точки наблюдения. Синтетическое суждение, которое Кант утверждает априори, служит основанием для возможности человеческого восприятия объектов, и является лишь одним

из множеств таких событий. Бомба излучает своё собственное пространство-время, как радиация, так же как Земля излучает пространство-время в теории относительности (и в действительности этот ноутбук, мои пальцы, эту чашку кофе). Бомба завладевает человеком. Плутоний 239 распадается в течение двадцати четырех тысяч лет. Спустя двадцать четыре тысячи лет действительным будет следующее: (1) Никто в отдельности не будет по существу связан со мной; (2) Малейшее, из того, что я делаю сейчас будет иметь губительные последствия.¹⁷ В этом масштабе не существует ни меня, ни даже человека, о котором стоит говорить – хотя то, что я делаю «сейчас» влияет на то, что происходит «потом». Даже более того, глобальное потепление также тревожно футуристично. Я называю его три основных временных масштаба – страшный, ужасный и леденящий кровь. Существует *страшный* временной масштаб в пятьсот лет (75% от эффекта глобального потепления ещё присутствует); *ужасный* в тридцать тысяч лет (25% по-прежнему присутствует); и *леденящий кровь* в сто тысяч лет (7% всё ещё присутствует).¹⁸ Аналогично, геологическое время, возникшее для людей с наступлением современности, является пропастью, чья реальность становится тем загадочнее (а не наоборот), чем больше научных приборов способны её исследовать. Знание перестаёт быть демистификацией, даже если когда-либо было.

Сейчас превращается в тошнотворное относительное движение трафика между прошлым и будущим. Возможно, лучше сказать, что *сейчас* превращается в *сейчас-ность*: что-то ещё происходит, но невозможно заранее провести тонкую жёсткую границу вокруг этого. Прошлое – это просто проявление. Тонкий слой углерода, тонкий слой радиоактивных материалов, являются проявлением прошлого во льдах Арктики, в глубоких озерах, в земной коре. Мое лицо – это карта всего, что с ним происходило. Эта кофейная чашка – это запись травм, которые испытывал комок глины, пока его формовали и обжигали, и покрывали глазурью. Форма – это проявление: форма это прошлое. Форма предмета – не присутствует, а скорее археологический документ. Не существует материи самой по себе, поскольку комок «из» глины есть также форма, которая была травмирована особыми способами, в результате добычи, упаковки, перевозки. Материя есть материя-для, а не какой-то онтически данный субстрат, некий *hupokeimenon*, лежащий в основе вещей.¹⁹ Радиоактивные материалы и глобальное потепление – гиперобъекты – просто заставляют нас увидеть это.

Подобным образом, *я сам* – это просто запись того, что произошло со «мной». Как утверждал Фрейд, *это* – это просто текст катексисов покинутого предмета.²⁰ Почему Фрейд сказал это? Потому что объекты уже являются этим: записью травмы. На этом онтологическом уровне, нет такой уж большой разницы между мной и кофейной чашкой, или между мной и земной корой. Земля – это гео-травма, палимпсест с необходимостью насильственных событий вписывания.²¹ Начало меня, чашки, слоя в земной коре, невозможно указать, так как *чашка* и *я*, и тому подобное являются ретроактивными отложениями травматических событий. Экологическая мысль – это любопытное возвращение к Аристотелю, который опровергал ту идею, что время возможно является последовательностью теперь-точек, Аристотель, который возвёл формальную причинно-следственную связь выше других (конечная цель, функция, материя). Это Аристотель без конечной цели, и без присутствия.

Что в будущем? Прошлое – это проявление. *Сущность – это будущее*. Я использую термин *сущность* не для того, чтобы обозначить некие реальные, основополагающие явления, как скучный кекс усыпанный случайностями, онтология по умолчанию, которой мы оперируем со времён Аристотеля. Мы уже обходимся без этого понятия, так как проявление это не поверхностный слой, но сама форма вещи, текст его катексисов покинутого объекта. Проявление – это не только проявление-для какой-то другой

сущности – камеры, лягушки, учёного. Радиоактивный слой в земной коре есть, даже когда некому его измерять. В этом вся суть: его обнаружение неизбежно запаздывает. Время – это просто выброс объектов, как говорят нам основные положения Эйнштейна, тем же является и пространство, на тех же основаниях.

Что же тогда есть *сущность*? Сущность – это прибывающее, никогда не-присутствующий приход вещи. Бесконечно взорванный вид объекта не является этим объектом, при всех возможных условиях освещения и для всех разумных существ. Аргумент Мерло-Понти заключается в том, что вещь является просто фантазией.²² Когда я переворачиваю чашку, то чашка теперь имеет другую нижнюю сторону. Хорошо знакомое повествование, в котором инсайт Гуссерля о почтовом ящике становится проделанной Деррида переработкой протенции и ретенции, через хайдеггеровскую деконструкцию бытия в футуристический *Dasein*, становится по-новому загадочным. Потому что то, что новые странные реализмы, такие как объектно-ориентированная онтология (ООО) делают, это возвращение к теперь несколько забытым джазовым стандартам Гуссерля и Хайдеггера и их переработка в манере мышления пост-Деррида. Сказать «пост-Деррида» в этом случае означает философию в рамках продолжения Деррида хайдеггеровского проекта по деконструкции метафизики присутствия. Имплицитная истина *не существует вовне-текст* теперь более справедлива, чем это было, когда возможно было связать это с анти-реализмом в поверхностном смысле. Существует гигантский коралловый риф дискретных, уникальных, нередуцируемых *объектов* (термин из ООО для любой сущности вообще – травинки, метеор, блок скрепок), который лежит под хайдеггеровской подводной лодкой на до сих пор неразведанной онтологической глубине. Как раз, когда мы думали, что это было безопасно никогда не возвращаться в онтологические воды.

Нет настоящего. Есть только прошлое и будущее – или, вернее, множество сущностей, излучающих различные прошлое и будущее, которые сходятся как корабли, проходящие в ночное время или поезда, которые двигаются относительно друг друга (любимая аналогия Эйнштейна) – и *разрыв* между прошлым и будущим, проявлением и сущностью. Этот *разрыв* – это *ничто, которое находится вовне текста*: явление, которое текст должен включать-исключать, чтобы быть самим собой. Смысл стихотворения это его будущее: оно будет прочитано пять минут спустя, на следующей неделе, и ещё позже, его значение это футуральность или, как говорит Шелли, «гигантские тени, которые будущее бросает на настоящее».²³ Прошлое стихотворения, его буквы, его бумага, его чернила, его авторы, его читатели, его толкования, являются проявлением стихотворения, его формой. Стихотворение, гиперобъект, является посланием в бутылке из будущего. Предзнаменование, надпись в недрах земли или на небесах, без стабильной и последовательной системы значений, чтобы подтвердит её.

Экологическое сознание не имеет настоящего. «В то время как я пишу...», как образное выражение *эко мимесиса*, является, не признавая этого, элегией этому полностью потерянному присутствию.²⁴ «В то время как я пишу эти слова, снег мягко падает за стенами моей хижины на краю леса» – является инвертированным признанием всё более угрожающих реалий Антропоцена. Призывы к восстановлению баланса, который никогда не существовал на Земле, в то время, когда Земля является названием для текста геотравмы – это отчаянные попытки загнать джинна обратно в бутылку. Извращенный триумфализм, глазеющий на садистскую победу Земли над формами жизни сочтёнными непригодными – вирусный человек – это тщетная попытка овладеть загадочной футуральностью вещей:

все вещи – чашка из стирофома, которая сохраняется в течение пятисот лет, облучённая дозой стронция-90 собака, замуванная в бетонный блок на сорок лет, тень человека, отпечатавшаяся на стене в Хиросиме.²⁵

Более истинное подтверждение того, что происходит – возникновение для людей разрыва между сущностью и проявлением, исчезновение настоящего и присутствия – это работа Буто, японский «танец тьмы», который был создан как следствие Хиросимы.²⁶ В Буто человеческое тело больше не плывёт, как будто невесомое в абстрактном пространстве, но зажато со всех сторон ужасной тяжестью, пространством-временем, излучаемым гигантским объектом, не давая человеку достичь второй космической скорости. Волны других существ искажают человеческое лицо, делая его отвратительными масками самого себя – лица, которые уже так сильно загримированы, что выглядят как маски. Тело посыпано пеплом, как будто от последствий атомной бомбы.²⁷ Зола, пепел, след от *не существующего вовне-текста*, тень холокоста.²⁸

То, что происходит с реальностью в Антропоцене это то, что она становится всё более яркой и нереальной. Без мира, без Природы, нечеловеческие сущности заполняют человеческое пространство, плотоядно косясь как лица с картины Джеймса Энсора или лица танцоров Буто. Разница между лицом и маской (по-гречески, *prosopon*) разрушается. Без присутствия, привычные, онтически данные координаты осмысленности растворяются: «Притворство приводит к тому, что, в конце концов, вы не знаете, является это притворством или нет».²⁹ Эта нередуцируемая нереальность является *симптомом реальности* как таковой, с которой странные реализмы (спекулятивный реализм, объектно-ориентированная онтология) начинают справляться, как возникающие черты загадочного пересечения гео-травмы и человеческой истории. Покрытый пеплом человек танцует, оказавшись в страшной материалистичности: материальности без потустороннего, без вовне, без присутствия.

Университет Райс

Тимоти Мортон

Примечания:

1 Jacques Derrida, *Of Grammatology*, translated by Gayatri Chakravorty Spivak (Baltimore and London, Johns Hopkins University Press, 1987), 158.

2 Emmanuel Levinas, *Existence and Existents*, translated by Alphonso Lingis (Pittsburgh, Duquesne University Press, 2003), 45-60.

3 Cyril O' Regan, *The Heterodox Hegel* (Albany, State University of New York Press, 1994), 147; Iain Thomson, 'Heidegger's Aesthetics', in Edward N. Zalta, editor, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2011 Edition)*, <http://plato.stanford.edu/entries/heidegger-aesthetics/>, consulted 7 October 2011.

4 Martin Heidegger, *Contributions to Philosophy (From Enowning)*, translated by Parvis Emad and Kenneth Maly (Bloomington, Indiana University Press, 1999), 75—7.

5 Jacques Derrida, 'Plato's Pharmacy', *Dissemination*, translated by Barbara Johnson (Chicago, University of Chicago Press, 1981), 61—171 (63).

6 Herman Melville, 'Bartleby the Scrivener', in *Melville's Short Novels*, edited by Dan McCall (New York, Norton, 2001).

7 Steven Spielberg, dir., *Empire of the Sun* (Warner Bros., 1987).

8 Martin Heidegger, *Contributions to Philosophy (From Enowning)*, translated by Parvis Emad and Kenneth Maly (Bloomington, Indiana University Press, 1999), 283—93. See also Joan Stambaugh, *The Finitude of Being* (Albany, SUNY University Press, 1992), 139—44. Robert Oppenheimer's line is from the *Bhagavad Gita*, translated by Swami Nikhilananda (New York, Ramakrishna-Vivekananda Center, 1944). The term 'shatterer' rather than 'destroyer' first appeared in 'The Eternal Apprentice', *Time* (8 November 1948), available at <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,853367-8,00.html>, consulted 10 September 2011.

9 Martin Heidegger, 'The Question Concerning Technology', *Basic Writings: From Being and Time to The Task of Thinking*, edited by David Krell (New York: HarperCollins Publishers, 1993), 307—41.

10 Martin Heidegger, *What Is a Thing?* (Chicago: Henry Regnery, 1967), 35, 105.

11 *Oxford English Dictionary*, 'doom', n.1. <http://www.oed.com>, consulted 16 October 2011.

12 *Oxford English Dictionary*, 'doom', n.2, 3b, 5, 6, 7. <http://www.oed.com>, consulted 16 October 2011.

13 *Oxford English Dictionary*, 'doom', n.3a. <http://www.oed.com>, consulted 16 October 2011.

14 *Oxford English Dictionary*, 'doom', n.4a, b. <http://www.oed.com>, consulted October 16, 2011.

15 *Oxford English Dictionary*, 'doom', n.8, 10. <http://www.oed.com>, consulted 16 October 2011.

16 There is a very good summary in Leonard Lawlor, 'Jacques Derrida', in Edward N. Zalta, editor, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2011), <http://plato.stanford.edu/archives/fall2011/entries/derrida/>, consulted 4 August 2012.

17 Derek Parfit, *Reasons and Persons* (Oxford, Oxford University Press, 1984), 355—7, 371—7.

18 David Archer, 'How Long Will Global Warming Last?' <http://www.realclimate.org/index.php/archives/2005/03/how-long-will-global-warming-last/>, accessed 12 December 2011; *The Long Thaw: How Humans Are Changing the Next 100 000 Years of Earth's Climate* (Princeton, Princeton University Press, 2008).

19 Martin Heidegger, *Being and Time*, translated by Joan Stambaugh (Albany, NY, State University of New York Press, 1996), 66.

20 Sigmund Freud, *The Ego and the Id*, translated by Joan Riviere, revised and edited by James Strachey, introduction by Peter Gay (New York, Norton 1989), 24.

21 Nick Land, *Fanged Noumena: Collected Writings 1987—2007* (Falmouth, Urbanomic, 2011), 335, 448. See also Reza Negarestani, *Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials* (Melbourne, re.press, 2008).

- 22 Graham Harman, *Guerrilla Metaphysics: Phenomenology and the Carpentry of Things* (Chicago, Open Court, 2005), 52—3.
- 23 Percy Shelley, *A Defence of Poetry*, in *Shelley's Poetry and Prose*, edited by Donald H. Reiman and Neil Fraistat (New York and London, W. W. Norton, 2002), 509-35 (535).
- 24 Timothy Morton, *Ecology without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics* (Cambridge, MA, Harvard University Press, 2007), 29-78.
- 25 Steven A. Book, William L. Spangler, and Laura A. Swartz, 'Effects of Lifetime Ingestion of ⁹⁰Sr in Beagle Dogs', *Radiation Research* 90 (1982), 244—51.
- 26 Nanako Kurihara, 'The Most Remote Thing in the Universe: Critical Analysis of Hijikata Tatsumi's Butoh Dance', Ph.D. dissertation, New York University, 1996 (Ann Arbor, UMI, 1996).
- 27 Sondra Fraleigh, *Butoh: Metamorphic Dance and Global Alchemy* (Urbana, University of Illinois Press, 2010), 61.
- 28 Derrida wrote about cinders constantly. Examples are too numerous, but see Jacques Derrida, *Cinders*, translated by Ned Lukacher (Lincoln, University of Nebraska Press, 2001).
- 29 Jacques Lacan, *Le seminaire, Livre III: Les psychoses* (Paris, Editions de Seuil, 1981), 48.